

СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

NOTICE: This material may be
protected by copyright law
(Title 17 U.S. Code)*

В.А. Колосов, Дж. О'Локлин

Полиэтнические регионы – уникальные исследовательские полигоны, в которых ярко проявляется взаимодействие глобальных и локальных процессов. Такие регионы часто затронуты активными миграциями, и в них происходят интенсивные межэтнические взаимодействия, приводящие к изменениям идентичности жителей, особое значение приобретают демографические сдвиги, влекущие изменения в численности и расселении разных этнических групп. Полиэтнические регионы нередко являются ареной конфликтов, подрывающих политическую стабильность далеко за их пределами. В то же время они обладают богатым культурным и природным наследием [Набиева 2006].

События в бывшей Югославии и во многих частях бывшего СССР вновь показали, что угроза нерушимости политических границ и всего мирового геополитического порядка исходит из полиэтничных регионов, переживающих ускоренную социальную модернизацию или политическую трансформацию (Ó Tuathal et al. 2006). Распад государств в сочетании с системным кризисом реанимировал старые этнические конфликты и породил новые. В некоторых случаях (Босния, Чечня и др.) эти конфликты переросли в войну. Хотя прекращение огня удалось достичь довольно давно, обстановка в районах боевых действий остается нестабильной. Тем не менее, там активно идет восстановление инфраструктуры и других отраслей экономики, беженцы возвращаются в свои дома, нормализуются миграционные связи.

Цель настоящей статьи – проследить влияние меняющейся социально-экономической ситуации на межэтнические отношения на Северном Кавказе. Авторы считали особенно важным изучить связь социально-экономических и географических факторов с претензиями на национальную исключительность и, в частности, этнически “чистую” территорию. Создание таких территорий радикальные националистические силы представляют как наиболее надежное средство гарантировать своей группе безопасность, защиту национальной культуры и привилегии в конкуренции с другими группами за власть, контроль над доходными видами деятельности, рабочие места и другие ресурсы.

В первом разделе авторы излагают рабочие гипотезы, характеризуют подходы и методы исследования. Далее они переходят к анализу полученных результатов, уделяя особое внимание самооценке русских, их отношениям с другими группами, соотношению между негативными и позитивными тенденциями и факторами развития этнических отношений в регионе.

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

В политологической литературе доверие в отношениях между этническими группами, в том числе на личном уровне рассматривается как один из важных элементов *социального капитала* и предпосылок развития *демократии и эффективной экономики*. Восстановление доверия — обязательное условие ликвидации последствий этнического конфликта [Ward et al. 2006].

Доверие между людьми разных национальностей, без сомнения, зависит от *особенностей места*. Задача состоит в выяснении воздействия географического положения (в изолированной горной долине или на транспортной оси), состава, истории формирования и благосостояния населения, интенсивности и направления миграций, близости данного места к ареалам конфликтов и вовлеченности людей в недавние столкновения. Эти факторы определяют характер социальных связей между людьми.

Особое значение имеет *этническая структура*. Чем более разнороден состав жителей города или села, тем чаще им приходится в повседневной жизни иметь дело с представителями других национальностей, тем больше у них шансов установить дружеские связи с людьми других этнических групп, тем больше вероятность смешанных браков и т.д. Однако известно, что зависимости здесь далеко не линейные. Как влияет пестрота этнического состава на доверие и что вообще означает понятие “многонациональный состав”? Благоприятна ли ситуация, когда, например, в городе или селе преобладают одна или две национальные группы, издавна живущие бок о бок? Или лучше, когда ни одна группа не составляет большинства?

28

На доверие между этническими группами огромное влияние оказывают *миграции*, за считанные годы изменившие состав жителей во многих районах и городах Северного Кавказа. Еще до войны 1994 г. из Чечни бежало 200 тыс. славян. Вдвое сократилась численность русского населения в Дагестане [Мудуев 2003; Передерий 2004; Цуциев 2006]. По подсчетам В.С. Белозерова (2005), в трансформации этнической структуры региона наблюдалось две тенденции. С одной стороны, на Северном Кавказе резко сократилась доля русских, а с другой — повысилась доля титульных этносов. Национальные образования становились все более этнически однородными. В то же время в результате урбанизации и миграционных процессов, в частности, перемещения населения высокогорья и “выдавливания” русских, в республиках усиливалась мозаичность этнического состава многих городов и равнинных территорий. Одновременно “демографическое давление” со стороны республик вызывало и усиление полиэтничности “русских” регионов. Наиболее заметны были эти изменения в районах, расположенных в зоне контакта между ареалами расселения русских и кавказских народов. За короткий срок там произошло почти полное замещение русских кавказскими народами [Белозеров 2005; O’Loughlin, Panin and Witmer 2007: 249-265].

Приток мигрантов вызывает скачок цен на недвижимость, повышает конкуренцию между этническими группами за жилье и высокооплачиваемые рабочие места, козырем в которой служит внутригрупповая солидарность. Вместе с тем, незначительное сальдо миграционного обмена — не всегда признак спокойной ситуации в межэтнических отношениях: если нет прочных тра-

диций межнационального общения, появление даже небольшого числа “инородцев” может спровоцировать межнациональную рознь и снижение уровня доверия [Колосов и Трейвиш, 1996, Kolosov and Treivish, 1997].

Конфликт в Чечне продолжал оказывать влияние на обстановку во всем регионе. Психологическое состояние населения и доверие представителям других национальностей в сильной степени определялось *террористическими актами*, ареной которых стал практически весь Северный Кавказ. Логично предположить, что на перспективы гармонизации межнациональных отношений наиболее пессимистически смотрят люди, близкие которых или они сами стали жертвами или свидетелями террористических актов, участниками вооруженных столкновений, пострадали от эксцессов в действиях федеральных силовых структур. Очевидно, сказывается и географическая близость к очагам конфликтов, особенно границам Чечни.

Доверие в межэтнических отношениях, безусловно, связано с *экономической ситуацией*. В регионе насчитывается много тысяч беженцев, в том числе из Чечни, экономика только недавно начала восстанавливаться. Растет социальная поляризация и скрытая безработица. Чтобы содержать семьи, большая доля взрослого населения вынуждена работать в Москве и других крупных городах. Низкий уровень доходов, неудовлетворенность распределением общественного богатства и власти, социальный пессимизм порождают стремление найти виновных среди соседей иной национальности. Можно полагать, что люди с более высоким *уровнем доходов* настроены более позитивно и с большим доверием относятся к своим иноплеменным соотечественникам.

29

Аналогичным образом, можно предположить, что высокий *социальный статус, уровень образования и квалификации* способствует взаимопониманию и толерантности в межэтнических отношениях. Однако в бывших советских республиках и автономиях гуманитарная интеллигенция в первом поколении сыграла роль не только в создании и распространении маркеров идентичности в постсоветский период, но и разжигании националистических страстей.

Естественно, среди *лиц старшего возраста и женщин* терпимость распространена в большей мере, чем среди *молодежи и мужчин*. Вопрос, впрочем, в том, насколько эти “первичные” демографические факторы значимы по сравнению с другими.

Напряженность в межэтнических отношениях и тем более открытый конфликт и насилие ведут к усилению внутригрупповых связей между представителями этнической группы, жителями региона или поселения в ущерб более широкой, гражданской самоидентификации людей, что, в свою очередь, снижает доверие между разными группами и вызывает риск нового обострения ситуации. Поэтому логично сравнить нынешнюю идентичность разных групп, степень их доверия другим народам, социально-географические условия, которые способствуют его укреплению.

Важный показатель доверия — *самооценка группы*. Известно, что потенциал конфликта нередко возникает в случае соседства слабой группы, имеющей в целом низкий социальный статус, с более сильной: подчеркивание признаков идентичности и даже открытый конфликт служат средством повысить самоуважение и уменьшить мнимое или действительное отставание от соседей. По

всей видимости, люди, в большей степени испытывающие гордость за свою этническую группу, склонны меньше доверять другим.

Понятно, что факторы, влияющие на уровень доверия, в большинстве своем существенно различаются от места к месту. Чтобы понять их взаимосвязь и значимость в анализе результатов опроса, необходимо использовать в том числе и географический подход. Ниже мы обсудим ход исследования и прокомментируем некоторые общие результаты.

ЭТАПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. “ГЕОГРАФИЗИРОВАННАЯ” ВЫБОРКА

Работа включала три этапа: (1) поиск и унификация статистической информации о городах и районах Северного Кавказа, почерпнутой в основном из переписи населения 2002 г. и текущей статистики регионов¹; (2) многомерная типология городов и районов для выбора мест проведения опроса; (3) собственно опрос по случайной выборке в отобранных городах и районах. Задача заключалась в сопоставлении статистической и социологической информации по характерным типам городских и сельских поселений.

На заключительном этапе в декабре 2005 г. Левада-Центром по разработанной нами анкете² проведен опрос 2000 респондентов в пяти регионах Северного Кавказа (Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Дагестане). На вопросы ответило статистически репрезентативное число представителей всех основных этнических групп и всех пяти субъектов федерации. Чечня и Ингушетия не были охвачены исследованием, не опрашивались беженцы и экономические мигранты, поэтому мы не можем утверждать, что опрос дает полную картину положения в регионе. Однако этнический состав респондентов соответствует зарегистрированной переписью 2002 г. структуре населения этих субъектов.

Известно, что в отборе первичных точек опроса нельзя руководствоваться зависимыми переменными модели [King, Keohane and Verba, 1994]. В этом случае в выборку попали бы преимущественно районы наиболее острых конфликтов, вооруженных столкновений и т.п. Степень конфликтности межэтнических отношений значительно отличается от места к месту, и независимые переменные призваны объяснить, где их социально-психологические последствия наиболее ощутимы, а где они малозаметны. Следовательно, точки опроса нужно было выбирать в соответствии с вариацией именно независимых переменных, обеспечивая представительство в выборке типов поселений, этнической структуры, миграционной подвижности, и т.п., отражающихся в характере землепользования, экономических показателях, распределении городов и сельских населенных пунктов, расстоянии от зоны наиболее острых конфликтов (Чечни) [Ward et al., 2006].

Обычная случайная выборка, отражающая структуру населения, не позволила бы выявить степень адаптации к нынешней ситуации респондентов, при-

¹ Большая часть этой информации была получена благодаря нашему многолетнему сотрудничеству с проф. В.С.Белозеровым, проректором Ставропольского государственного университета, и к.г.н. А.Н.Паниным, сотрудником кафедры экономической и социальной географии этого университета.

² Авторы благодарят исполнительного директора Левада-Центра А.И.Гражданкина и ведущего специалиста Е.В.Козыренко за помощь в определении выборки и редактировании анкеты.

надлежащих к одной и той же этнической и социальной группе, но проживающих в разных социально-географических условиях. Поэтому выборка должна была репрезентировать не только состав населения, но и типы административно-территориальных единиц, по которым доступна статистическая информация — районам и городам. В пяти рассматриваемых регионах — 95 районов и 23 города краевого и республиканского подчинения.

Для многомерной типологии городов и районов создана специальная база данных, содержащая информацию об этнической структуре населения, динамике численности жителей в 1989-2002 гг., их занятости, социальной ситуации. Включены сведения о рождаемости и смертности, в частности, детской, средней заработной плате, телефонизации, числе врачей и учащихся средних школ на 1000 жителей, уровне преступности, голосовании на выборах в Государственную Думу 2003 г. и президентских выборах 2004 г., характере социальной среды — плотности населения, статусе населенных пунктов.

Типология городов и районов по совокупности 26 переменных выполнена по иерархическому алгоритму, позволившему получить внутренне относительно однородные кластеры районов и городов. В итоге определено шесть кластеров: это число стало оптимальным компромиссом между потерей исходной информации и сложностью типологии. Во всех шести кластерах случайным методом выбраны первичные точки проведения опроса (*PSU* — города и районы). Исключением стали крупнейшие города, вошедшие в каждый кластер — все они как саморепрезентирующиеся объекты включены в число административных единиц, в которых состоялся опрос. Всего первичных точек опроса оказалось 35. В каждой из них получено не менее 20 анкет.

31

На следующем этапе создания выборки были определены вторичные единицы опроса (*SSU*) — улицы в городах и сельские поселения. Всего исследование проводилось в 82 населенных пунктах (35 городах и районах) случайным маршрутным методом. Для заполнения 2000 анкет интервьюерам пришлось обратиться к 4451 человеку. Распределение респондентов между регионами пропорционально численности взрослого населения.

Анализируя полученные результаты, мы отдаем себе отчет в трудностях проведения опросов в республиках Северного Кавказа. Особенно значимы они в сельской местности: сильное давление на респондентов — вплоть до прямого запрета администрации на беседу, невозможность полноценно опросить женщин, поскольку традиции предписывают мужчине быть посредником между своей семьей и внешним миром, недостаточное знание русского языка. В городах с дисперсным расселением людей разных национальностей представляет трудность набор нужного числа респондентов различного происхождения. Из-за высокого престижа институтских дипломов респонденты иногда пытаются ввести интервьюера в заблуждение относительно истинного уровня своего образования [Реммлер 2006]. Некоторые респонденты могли стремиться дать “правильный” ответ “чужому” человеку, русскому по национальности. Тем не менее, итоги опроса, полагаем, отражают действительную картину. Его администраторы уделяли особое внимание контролю. Большая часть опрошенных проживает в городах, население которых менее подвержено чьему-либо давлению.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ

Для территориальной целостности страны чрезвычайно важно, кем ощущают себя жители Северного Кавказа: гражданами России, членами российской политической нации или исключительно (либо по преимуществу) членами своей этнической группы. В целом 43,8% респондентов полагали себя в первую очередь российскими гражданами, еще 16,1% — одновременно российскими гражданами и представителями своей национальности (см. табл. 1). В первую очередь принадлежность только к своему народу ощущали лишь 16,3% опрошенных. Региональная или местная идентичность характерна для 15,0% респондентов. Советскими людьми по-прежнему себя считают 7,1% жителей пяти регионов. Примечательно, что и во вторую очередь со своей этнической группой отождествляет себя практически столько же людей, сколько и в первую.

Таблица 1

Самоидентификация респондентов, в % к числу опрошенных

<i>Вопрос/ответ</i>	<i>Кем бы Вы назвали себя в первую очередь?</i>	<i>Кем бы Вы назвали себя во вторую очередь?</i>
Представителем моего народа	16,3	16,0
Российским гражданином	43,8	27,2
Российским гражданином и представителем моего народа	16,1	16,3
Жителем моего региона или республики	7,6	15,3
Жителем моего города, местности	7,4	15,9
Советским человеком	7,1	6,1
Другое	0,4	0,3
Затрудняюсь ответить	1,3	2,9

Лезгины, азербайджанцы, осетины, русские и армяне ассоциируют себя со своим народом сильнее, чем в среднем по выборке, а ногайцы, аварцы, карачаевцы, даргинцы, кабардинцы, лакцы, балкарцы, кумыки и особенно чеченцы — слабее. Русские в наибольшей степени склонны отождествлять себя с российским государством: среди них почти 55% считают себя в первую очередь именно российскими гражданами и еще 29% — одновременно российскими гражданами и русскими (только русскими — всего 11%).

Неудивительно, что именно среди русских более 9% (больше среднего по выборке) все еще отождествляют себя с исчезнувшей “Атлантидой” — Советским Союзом и заявили о себе как о советских людях. Региональная идентичность среди русских распространена слабо. Похоже распределение ответов других “христианских” народов — осетин и армян и др.

Однако и относительное большинство представителей титульных народов северокавказских республик (за исключением осетин) также декларировали себя российскими гражданами (33%) или одновременно российскими гражданами и членами своей этнической группы (более 20%). Только со своим народом отождествляют себя 22% респондентов, по 6-10% — с жителями своей республики, края, города или местности, советскими людьми.

Таким образом, даже в республиках Северного Кавказа, в которых в наибольшей степени сохранились клановые и родовые структуры, препятствующие становлению гражданского самосознания, российская политическая идентичность весьма сильна. Однако соотношение между факторами, способствующими усилению этнической составляющей идентичности и чувства исключительности, и процессами становления российской политической нации, включающей всех граждан страны, весьма изменчиво. На усиление общей идентичности безусловно “работает” улучшение экономической ситуации, повышение комфортности условий жизни и привлекательности России в сравнении с соседними странами, ассоциация российской гражданской идентичности с советской [Миллер 2007]: многие жители Северного Кавказа испытывают ностальгию по советскому прошлому, связываемому со стабильностью и достатком. Не случайно большинство республик вплоть до последних общероссийских избирательных циклов оставались ареалами повышенного влияния компартии. Местные элиты не заинтересованы в чрезмерном усилении этнической идентичности, способной подорвать относительную социальную стабильность и лишить республиканское руководство контроля над распределением крупных трансфертов из федерального бюджета. За счет них в 2005 г. объем доходов на душу населения увеличился в Дагестане в 4,7 раза, Кабардино-Балкарии – в 2,9, Карачаево-Черкесии – в 2,6, Северной Осетии – в 2,8 [Российский Кавказ 2007]. Характерно также, что в многонациональном Дагестане даже в период крайнего обострения обстановки в начале 1990-х годов ни одно чисто этническое движение, выдвигавшее требования национального обособления и “собственной” территории, не получило массовой поддержки [Кисриев 2005].

33

Однако преимущество России в уровне доходов на душу населения по сравнению со многими быстро развивающимися соседними странами не очень велико. Идентичность изменчива и носит ситуативный характер. Без специальных исследований не вполне ясно, насколько актуализируют общегражданскую идентичность доступность и характер образования, миграции, особенности рынка труда и жилья, нередко связанные с дискриминацией по национальному признаку. С одной стороны, вынужденное бегство значительной части титульного населения из трудоизбыточных республик в Центральную Россию способствует социальной мобильности и служит определенной культурной скрепой региона с остальной частью страны [Vendina et al. 2007: 178-202]. С другой стороны, нарастающая ксенофобия в российских городах заставляет кавказцев искать опору в клановой солидарности.

Опрос подтвердил, что политические перемены, начавшиеся с конца 1980-х годов, этнические конфликты и связанные с ними процессы “этнического возрождения” повлияли на рост групповой солидарности этнических групп, усилили самоидентификации с ними их членов. Этому, безусловно, способствовал кризис переходного периода, тяжело сказавшийся на экономически слабых регионах Северного Кавказа. Рост межэтнической конкуренции за контроль над престижными и доходными сферами деятельности, статусными позициями, жильем еще в советские годы отмечали многие отечественные и зарубежные исследователи, объясняя его, в частности, растущим уровнем образования титульных народов [Дробижева и др. 1996; Tishkov 1997; Kaiser 1994]. Этническая солидарность кавказских народов стала важнейшим ресурсом

выживания в условиях этнической конкуренции в районах со смешанным составом населения. Представители кавказских народов, осваивая наиболее динамично развивающиеся сферы деятельности и новые регионы расселения, создавали сетевые сообщества. В самих республиках и очагах расселения выходцев из “национальных” регионов подбор кадров в сфере государственного управления, наиболее доходных отраслях хозяйства осуществлялся не по универсальным критериям социальных взаимодействий, уровню квалификации и компетентности, а по этническому признаку [Кавказский регион... 2004; Российский Кавказ 2007].

В корне изменился господствующий политический дискурс (культурная гегемония, по А.Грамши). Многолетние усилия советской пропаганды были направлены на целенаправленное конструирование общегражданской идентичности (“новой исторической общности людей – советского народа”). Дискурс был сосредоточен на повышении уровня образования, социального обеспечения, росте городов и т.п. Поскольку социальные достижения советского времени не вызывают у большинства людей сомнения, ныне кавказские исследователи и влиятельные идеологи подчеркивают духовные издержки социальной модернизации в советский период. История взаимодействий между центральной властью и северокавказскими регионами интерпретируется лишь как противостояние между метрополией и насильственно подчиненными свободолюбивыми народами. Жесткой критике подвергается советский опыт экономического строительства – развитие промышленности, крупных сельскохозяйственных предприятий, деятельность которых в отсутствие мотивации и учета особенностей традиционной культуры привела к духовному кризису и подрыву трудовой этики. Отсюда следует вывод о несовместимости ценностей кавказских народов и русских, выступавших проводниками политики центра [Денисова и Уланов 2003; Милованов 2004].

Неудивительно, что по сравнению с 1990 г. 8,0% респондентов ощущают принадлежность к своему народу значительно чаще или сильнее, и еще 14,9% – лишь несколько сильнее и чаще (правда, абсолютное большинство – 56,9% не отметили изменений в своем национальном чувстве за прошедший период).

Насколько связано относительное укрепление этнической идентичности с гордостью принадлежностью к своему народу, чувством национальной исключительности и доверием другим народам?

Как и можно было ожидать, гордость принадлежностью к своему народу особенно свойственна титульным народам: очень гордятся ею 61% опрошенных и еще 18% испытывают “некоторую гордость” (около 20% заявили о своем нейтральном отношении к этой теме). В наибольшей степени испытывают гордость за принадлежность своему народу осетины (см. рис. 1).

Это, однако, не мешает большей части из них самоопределяться в первую очередь в качестве граждан России и доверять другим народам. Выше среднего по всей выборке этот показатель у большинства “мусульманских” народов, а также у армян. Помимо русских, менее горды своим народом азербайджанцы и лезгины. “Национальная гордость великороссов” слабее, чем у титульных народов республик: “очень гордятся” своим национальным происхождением 44% русских, “некоторую гордость” ощущают еще 23%, столько же относятся к своей “русскости” нейтрально.

Гипотеза о том, что люди, в большей степени гордящиеся своим народом, менее склонны доверять другим народам, не подтвердилась. Абсолютное большинство всех трех основных групп населения пяти регионов (русских; титульных “мусульманских” народов; осетин, армян и прочих) полностью или частично не согласны с утверждением о том, что доверять можно только людям своей национальности (см. рис. 2).

35

Рисунок 2

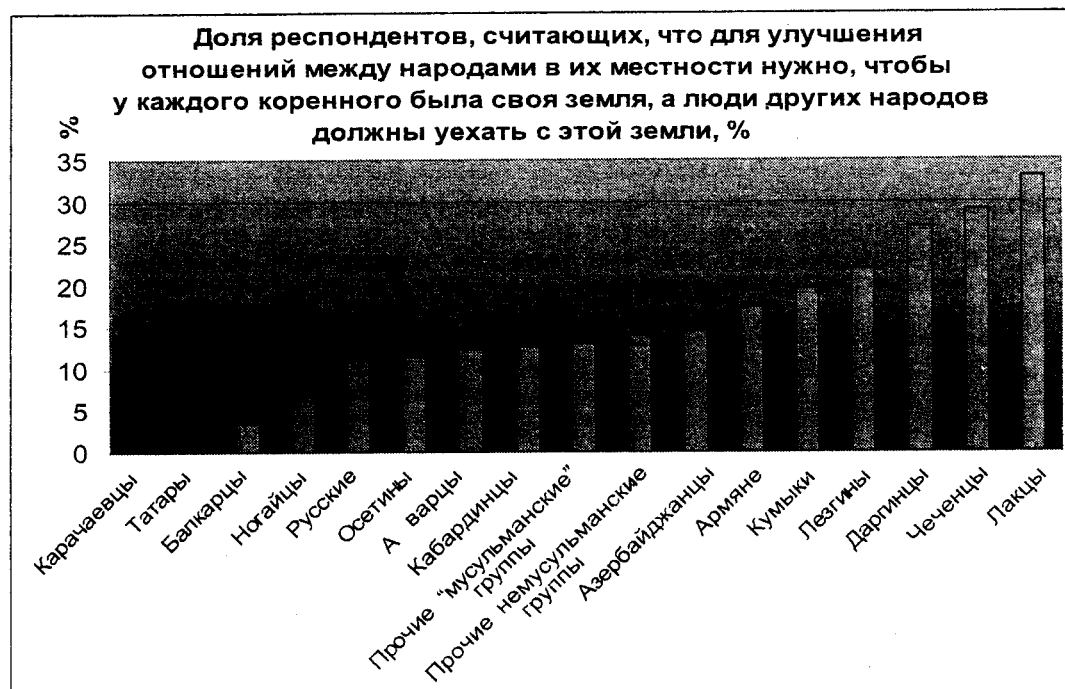
Краеугольный камень радикального национализма, главный аргумент этнических чисток — это, как известно, требования монопольного контроля этнической группы над “своей” территорией [Rosière 2006]. Программные требования большинства национальных движений на Северном Кавказе, дей-

ствовавших в начале 1990-х годов, включали требование административно-территориального переустройства [Пути мира... 1999; Атлас... 2006]. Очевидно, что попытки реализовать принцип этнической “чистоты” территории на Северном Кавказе привели бы к катастрофе, подобной той, что пережили многие народы бывшей Югославии.

Тех, кто разделяет мнение о необходимости монопольного контроля этнической группы над территорией, к счастью, не слишком много — в среднем по выборке 13%³. Это намного меньше, чем в Боснии-Герцеговине, где такой точки зрения придерживается 51% респондентов [O’Loughlin and Ó Tuathail, 2006: 61-75] (см. рис. 3). Отношение к необходимости контроля над территорией коррелирует с заявленной респондентами главной идентичностью. Вполне естественно, такое мнение наиболее чуждо “советским людям”. К тому же большинство из них — пожилые и менее склонны к радикализму. Несколько больше людей, чем в среднем, хотели бы жить на этнически “чистой” территории среди русских и тех, кто отождествляет себя в первую очередь с титульными народами республик или ассоциирует себя одновременно с гражданами России и своим народом. С этими результатами хорошо согласуются ответы на другой вопрос — о месте, которое респонденты считают своей родиной. Тех, кто выбрал опцию “родная земля моего народа”, — около 18% опрошенных.

Рисунок 3

36

³ Респонденты могли выбрать до трех ответов на вопрос о том, что нужно сделать, чтобы улучшить отношения между народами в их местности. Варианты ответа были предложены следующие: 1) у каждого коренного народа должна быть своя земля, а люди других народов должны уехать с этой земли; 2) милиция должна более активно бороться с преступностью, особенно с коррупцией; 3) российские власти должны стать более терпимыми; 4) правительство должно активнее бороться с проявлениями национальной розни; 5) каждый должен заботиться не только о проблемах своего народа, но и об общих проблемах; 6) каждый из нас должен быть более терпимым; 7) надо привлечь международные организации.

Средние цифры по основным группам скрывают значительные различия между отдельными этносами. Мало обеспокоены контролем над территорией русские, еще меньше — ногайцы: возможно, потому, что еще относительно недавно этот народ кочевал по бескрайним полупустыням восточной части Ставрополья, Дагестана и Чечни. В этом можно усмотреть доказательство слабости национального движения “Бирлык”, требовавшего выделить в составе Ставропольского края особый ногайский национальный район [Колосов и др. 2001; Kolossov 2005].

Больше всех согласных с тем, что у каждого народа должна быть своя территория, среди лакцев. Часть этого народа была насильственно переселена из горных районов на равнинные земли, из которых были депортированы чеченцы-аккинцы. Конфликт между вернувшимися из высылки чеченцами и лакцами продолжался до тех пор, пока съезд лакского народа не принял решение добровольно уступить уже обжитые участки чеченцам [Мудуев 2003]. Понятно, что эти болезненные пертурбации оставили глубокий след в национальном сознании, и треть опрошенных лакцев выступила за обретение “своей” территории. Примерно те же причины — у чеченцев, принявших участие в опросе (напомним, живущих по разным причинам вне титульной республики): 29% из них высказалось за “свою” территорию. За “свою” территорию выступило также относительно много лезгин (22%). В результате распада СССР лезгинский народ оказался разделен государственной границей между РФ и Азербайджаном. При этом пограничный режим в связи с событиями в Чечне и Дагестане не раз ужесточался. Таким образом, во всех трех случаях очевидны особые причины повышенной заинтересованности в обретении “своей” территории, и было бы неправильно сводить все к претензиям лакцев, чеченцев и лезгин на национальную исключительность.

В то же время относительно много респондентов, принадлежащих к основным народам Дагестана — 27% даргинцев и почти 20% кумыков, высказались за жесткое национально-территориальное разграничение. В целом по Дагестану за него высказалось значительно больше респондентов, чем в среднем по выборке — 21% против 14%. Это вызывает беспокойство за сохранение политической стабильности в республике. В результате миграций и урбанизации в Дагестане ныне идет весьма быстрый процесс усложнения этнической структуры основных городов, многих равнинных сельских территорий [Алиев 2005; Этнополитические... 2005]. Множится и число межэтнических браков. Эти процессы несовместимы со стремлением к национальному обособлению.

“РУССКИЙ ВОПРОС”

Русские настроены гораздо более скептически по отношению к людям других национальностей, чем остальные группы. Среди русских *уровень доверия людям других национальностей один из самых низких*: 22% представителей первого по численности народа Северного Кавказа полностью или скорее согласны с утверждением о том, что доверять можно только людям своей национальности, тогда как среди “мусульманских” народов — только 10%, среди прочих — 11%. Психологический стресс, испытываемый русским населением, очевиден и в ответе на другие вопросы. Так, согласились с тем, что нужно больше заниматься общими проблемами, а не сугубо национальными, только 32% русских, но 48% “мусульман” и 45% представителей “прочих” групп.

Русские менее остальных склонны поддерживать дружеские контакты с лицами другой национальности: 20% имеют близких друзей только из русских и 33% — преимущественно русских. Только у 42% русских друзья принадлежат разным национальностям, тогда как у респондентов из числа титульных мусульманских народов — 53% (28% — преимущественно и 13% — исключительно к той же национальности). В еще большей степени интернациональные дружеские связи поддерживают осетины, армяне. Отчасти это, несомненно, объясняется меньшей абсолютной численностью этих народов и смешанным составом жителей населенных пунктов, в которых они живут (например, в Дагестане по сравнению со Ставропольским краем).

Та же закономерность наблюдается и в ответах на другие вопросы этой группы. С утверждением о том, что дети на Северном Кавказе должны изучать языки, историю и культуру других народов региона, полностью или частично согласны 60% русских, тогда как 20% не имеют на этот счет определенного суждения, а 16% — скорее или полностью не согласны. Среди “мусульманских” народов полностью или частично согласны с таким предложением гораздо больше респондентов — 74%, 15% не имеют определенного мнения, и только 5% полностью или частично не согласны с ним.

В этих результатах напрямую сказался “русский вопрос”, наличие которого, согласно опросу, проведенному в 2001 г. ростовскими социологами, признают более 60% русских, проживающих в республиках Северного Кавказа, и около трети представителей титульных народов [Денисова и Уланов 2003].

Социально-психологический кризис, переживаемый значительной частью русского населения региона, прямо сказывается на уровне доверия другим народам. Это следствие, с одной стороны, распада сложившегося в советский период “культурного разделения труда” между этническими группами и общего экономического кризиса 1990-х годов, а с другой — формирования постсоветской идентичности кавказских народов. По мнению самих русских, проживающих в республиках Северного Кавказа, “русский вопрос” проявляется в невозможности найти работу в престижных сферах, ухудшении материального положения по сравнению с титульными народами, массовом выезде. Происходит разрушение основ жизнеобеспечения русских: закрытие крупных промышленных предприятий, на которых преимущественно и были заняты русские, и невозможность трудоустройства в других сферах деятельности ведут к массовому отъезду, а он, в свою очередь — к резкому изменению культурной среды. К тому же значительная часть русских в крупных городах северокавказских республик приехала туда из других районов бывшего СССР и не могла, в отличие от кавказцев, опереться в трудные годы на помощь сельских родственников и их хозяйство [Белозеров 2005].

При этом уезжают молодые, динамичные, социально адаптированные представители русских общин. Остаются люди предпенсионного и пенсионного возраста. Это резко ухудшает образ русских в представлении кавказцев: при прочих равных условиях более привлекателен образ групп, обладающих властью и богатством. Социальная маргинализация части русских дает основания радикальным идеологам противопоставлять строго регламентированную повседневную культуру кавказцев “деградирующим маргиналам”. Резкое неприятие у кавказцев вызывают пьянство, сквернословие, пренебрежение к маркерам социального статуса, условиям быта.

Тем самым советская, русская модернизация противопоставляется местной традиции, основанной на коллективных предписаниях и контроле. В культуре кавказцев не укоренились традиции индустриального труда, его мотивации и ценности. Не получили широкого распространения процессы автономизации личности. Профессиональная несостоятельность в современных видах деятельности не видна в рамках традиционной культуры. Поэтому поддержание лидерства требует сохранения этнической среды, утверждения ее как более совершенной, передовой по сравнению с советской, русской. Этого же требует заинтересованность республиканских элит в канализации критики провалов экономической и социальной политики в русло межэтнического противостояния. Изоляции и этнической мобилизации способствует самовоспроизводство и резкое снижение территориальной мобильности интеллектуальной элиты, что, в свою очередь, связано с коммерциализацией высшей школы.

Самоутверждение личности представляется не в самореализации, а в демонстрации верности традиции. Психологической компенсацией реально низкого социального статуса и уровня жизни становится опора на групповые роли и манифестация маскулинности, проявляющейся в культе материальных вещей, власти и представительности, подчеркивании различий в половых ролях, исполнительности в сочетании с внешней независимостью [Денисова и Уланов 2003].

Для титульных народов характерно стремление к непроизводственной деятельности и получению ренты от контроля над властными позициями (при крайне неравномерном распределении, вытекающем из иерархической организации общества). В результате кавказцы лучше адаптируются к постсоветским реалиям, чем местные русские, ориентированные на производство. Неспособность русских, занятых по найму в промышленности или в низкооплачиваемом бюджетном секторе, адаптироваться к обстановке используется радикальными идеологами для обоснования этнократии, что вызывает контрреакцию: зарождается и зреет русский национализм.

39

ГЛАВНОЕ – В ЭКОНОМИКЕ?

Экономическая ситуация и безработица занимают, по мнению респондентов, главное место в перечне наиболее серьезных проблем Северного Кавказа. Так думают 47,5% участников опроса. Состояние экономики вызывает у людей большую тревогу, чем вооруженные конфликты и террористические акты (17,0%), хотя именно этим проблемам уделяется особенно много внимания в СМИ. Высокий уровень коррупции, тесно связанный с состоянием экономики, также занимает в представлении жителей более важное место в числе проблем региона, чем терроризм (21,0%). Довольно много людей выразило озабоченность преступностью (8,9%). Межнациональная рознь и стремление радикальных сил вывести свои республики из состава Российской Федерации не кажутся респондентам актуальной проблемой или представляются производной от неблагоприятного экономического положения (всего 3,5%).

Действительно, социально-экономическая ситуация остается сложной. Южный федеральный округ – в значительной степени аграрная территория с единичными крупными промышленными узлами, в основном в региональных центрах. По показателю ВРП на душу населения Юг почти вдвое отстает от сред-

нероссийского уровня, а от самого богатого субъекта РФ – Москвы – более чем в 6 раз, причем отрыв от нее за последнее десятилетие значительно усилился. [Юг России 2004; Дружинин 2006]. Углубилась аграрная специализация. Промышленное производство упало гораздо сильнее, чем по России в целом (кроме равнинного Предкавказья). Если по стране в целом его уровень составлял в 2003 г. 0,67 от уровня 1990 г., то в северокавказских республиках – от 0,30 в Дагестане до 0,53 в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Более высокие показатели этих двух республик объясняются резким ростом производства водки, первоначально на основе контрабанды спирта через Грузию. Этот бизнес приносил крупные прибыли: даже по официальным данным, доля Северной Осетии в общероссийском производстве водки возросла с 1,4% в 1990 г. до 7,1% в 2003, а Кабардино-Балкарии – с 0,1% до 8%.

Северный Кавказ – сложная поляризованная территориальная система с большими внутренними контрастами. Наиболее очевидное различие (см. табл. 2) – между равнинным Предкавказьем (“русскими” регионами) и республиками. К числу наиболее бедных регионов принадлежат разоренная войной Чечня, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия. Межрегиональные различия были бы еще больше в отсутствие выравнивания бюджетной обеспеченности. Политика бюджетных вливаний позволила в 2005 г. сократить разницу в обеспеченности на душу населения между наиболее обеспеченным регионом Южного федерального округа (Краснодарский край) и наименее обеспеченным (Ингушетия) с 9 до 1,1 раза. Широкий размах получила теневая экономика. Многие косвенные показатели (обмен валюты, масштабы индивидуального строительства и др.) говорят о том, что реальный уровень жизни в республиках значительно выше “статистического” [Российский Кавказ 2007].

Таблица 2

Некоторые экономические показатели по регионам Северного Кавказа

Регион	ВРП на душу населения в 2002 г., руб.	Среднедушевые доходы в месяц в 2003 г., руб.	Соотношение объема промышленного и сельско- хозяйственного производства	Прирост числа легковых автомобилей на 1000 жителей, 1990–2003, единиц
Республика Кабардино-Балкария	29877	2571	0,70	28,4
Республика Карачаево-Черкесия	24510	2507	1,34	44,0
Краснодарский край	46543	3576	1,56	106,3
Республика Адыгея	18876	2549	1,44	48,5
Республика Дагестан	19330	1886	0,42	50,8
Республика Ингушетия	8173	1392	0,49	45,7
Чеченская Республика	-5,8
РСО-Алания	24685	2596	2,00	54,0
Ростовская область	34321	4024	2,79	78,9
Ставропольский край	32053	3072	1,72	94,3

Однако по денежным доходам на душу населения, обеспеченности медицинскими и образовательными услугами, индексу человеческого потенциала республики Северного Кавказа остаются аутсайдерами [Доклад... 2004]. Весьма неблагоприятно положение на рынке труда [Мукомель 2005]. Поправка на повышенный удельный вес теневой экономики картины радикально не меняет, о чем свидетельствует динамика числа личных легковых автомобилей по регионам.

Статистические показатели находят прямое отражение в социальном самочувствии населения. Как уже было отмечено, около половины респондентов полагают себя бедными людьми и не могут обеспечить себя даже предметами первой необходимости. 36,5% опрошенных испытывают напряжение и раздражение, 7,7% — страх и тоску. Подавляющему большинству жителей региона будущее не вселяет оптимизма: 42% опрошенных думают, что изменений в их благосостоянии не произойдет, 17,8% считают, что их жизнь ухудшится (26,7% предполагают вероятное улучшение уровня жизни, а 2,5% безусловно уверены, что их семья будет жить лучше и богаче, чем сейчас, 10,2% затруднились с ответом).

Социальное самочувствие сильно колеблется у представителей разных этнических групп, в этом сказываются, кроме прочего, и особенности национальной культуры. Наиболее пессимистически оценивают свое материальное положение русские, а из титульных народов республик — балкарцы и карачаевцы. Около четверти респондентов, принадлежащих к этим народам, считают, что их жизнь так трудна, что “невозможно дольше терпеть”. В то же время среди осетин, черкесов, лакцев, лезгин, азербайджанцев, даргинцев, условия жизни которых вряд ли лучше, таких пессимистов набралось менее 10%.

41

Показательны и межэтнические различия в доле наиболее благополучной группы респондентов, полагающих, что “все не так уж плохо, и жить можно”. Среди лакцев, азербайджанцев, лезгин и аварцев таких людей вдвое-втрое больше, чем среди кабардинцев, балкарцев, кумыков и русских. Таким образом, ответы на этот вопрос опять-таки отражают неблагоприятное, ощущаемое наиболее многочисленным народом Северного Кавказа — русскими.

Что же дальше?

Результаты нашего исследования, с одной стороны, внушают осторожный оптимизм, хотя его степень зависит от того, что считать нормой. Прежде всего, важно, что общероссийская гражданская идентичность распространена довольно широко, цементируя единство страны и стабилизируя межнациональные отношения. Мощной скрепой единства Северного Кавказа остается русский язык, которому нет альтернатив как средству межнационального общения и социального продвижения: 54,2% респондентов предпочли бы, чтобы их дети получали образование только на русском языке и еще 40,7% — одновременно на русском и национальном языках. На русском языке говорят в семье 60% респондентов, что намного превышает долю этнических русских в выборке (42,4%).

Более 3/4 опрошенных удовлетворены межнациональными отношениями в своей местности. 52,2% считают их спокойными, 20,5% — скорее дружескими, а 6,6% — даже весьма дружескими (остальные затруднились с отве-

том). Толерантности в межнациональных отношениях отчасти способствует высокая частота контактов между людьми разного происхождения. Ежедневно общаются с людьми других национальностей 71,0% респондентов, еще 14,8% — не реже, чем раз в неделю.

Стабилизирует межнациональные отношения улучшение экономического положения в регионе по сравнению с 1990-ми годами. Отвечая на стандартный вопрос ВЦИОМ о положении в их местности, 17,4% опрошенных нами заявили, что “все не так уж плохо, и можно жить”, 61,7% — “жизнь трудна, но можно терпеть”. Пессимистично настроено меньшинство респондентов, хотя все еще значительное: 18,3% из них полагают, что их бедственное положение “терпеть уже невозможно”. Ответы на другой сходный вопрос подтверждают повышение благосостояния людей. 6,4% ответивших в состоянии позволить себе любые покупки, у 49,0% хватает денег на еду и одежду, но приобретение предметов длительного пользования составляет для них проблему. У 35,2% хватает денег только на еду, а 9,2%, по их словам, испытывают нехватку средств даже на питание. Это немало, но все же существенно меньше, чем в 1990-х годах. Почти половина респондентов (49,4%) оценила свое настроение как ровное, нормальное, а 4,5% — даже как прекрасное.

Однако, с другой стороны, наши материалы, безусловно, дают основания для беспокойства. Прежде всего, отсутствуют каналы выражения социального протеста в конструктивных формах. Практически нет даже зачатков гражданского общества: 93,7% опрошенных никогда не состояли членами каких-либо общественных организаций, в том числе культурных ассоциаций, которые в демократических обществах обычно служат реализации стремления сохранить национальную культуру. Несмотря на напряженные политические события и угрозу терроризма, 89,6% респондентов никогда не участвовали в легальных политических акциях — подготовке и проведении избирательных кампаний, сборе подписей, демонстрациях.

Между тем, потенциал социального протеста весьма высок. Состав населения ставит проблему распределения власти между представителями разных этнических групп. Как известно, падение советского государства привело к дальнейшей “этнизации” власти в большинстве бывших автономий [Российский Кавказ 1997; Хоперская 1997]. 25,4% респондентов заявили, что власть в их регионе принадлежит представителям их этнической группы (сюда вошли и жители Ставропольского края, более 80% населения которого составляют русские). Естественно, не все удовлетворены таким положением.

В республиках Северного Кавказа проблема распределения власти между этническими группами не раз становилась причиной острых конфликтов. Достаточно вспомнить многомесячные митинги представителей черкесской общины, недовольных итогами выборов президента Карачаево-Черкесии в 1999 г., едва не переросшие в насилие. Лидеры черкесской общины, неудовлетворенные ее положением “вечного” меньшинства в республике (доля черкесов в ее населении по переписи 2002 г. — всего 12%), не раз ставили вопрос о присоединении районов с преобладанием черкесского населения к Ставропольскому краю [Российский Кавказ 2007; Цуциев 2006]. В Дагестане существует негласная традиция распределения постов в республиканском руководстве и в ряде местных органов власти между представителями разных этни-

ческих групп, что составляет предмет острых дискуссий и конфликтов [Маркедонов 2007].

Люди глубоко убеждены, что власть в их регионах принадлежит “денежным мешкам”: доступ к ней обеспечивает богатство, и наоборот, богатство составляет условие доступа к власти. 57,5% респондентов полностью согласны с утверждением, что власть находится в руках тех, у кого есть деньги, и еще 26,8% — скорее согласны с ним. В то же время только 34,2% опрошенных полностью или отчасти уверены в том, что у руля в их регионах стоят деятели, обладающие авторитетом.

Поэтому распределение власти продолжает будоражить общественное мнение, раскручиваемое амбициозными лидерами отдельных общин. Представительство во власти народов, проживающих в регионе, считают определенно несправедливым (9,1% респондентов, скорее несправедливым — 28,8%). Примерно столько же придерживаются противоположного мнения: для 7,1% нынешнее положение определенно справедливо, для 28,9% — скорее справедливо. В этих условиях любое назначение должностного лица, любые местные выборы могут быть использованы для дестабилизации обстановки.

При этом подавляющее большинство респондентов не доверяет федеральным государственным институтам и настроено по отношению к ним гораздо более скептически, чем население России в целом. Милиции не доверяют 92,1% опрошенных, суду — 93,3%, Государственной Думе — 95,7%. Как и в других регионах России, в том числе и Москве [Shomina et al. 2002: 244-270], у людей не пользуются доверием общественные организации, ассоциируемые с инструментами достижения власти корыстолюбивыми политическими деятелями (92,3%). Сильное недоверие испытывают жители Северного Кавказа и к международным благотворительным организациям (93,3%).

Очевидно, что государство представляется респондентам враждебной силой, неспособной их защитить. Авторитетом пользуются лишь сильные руководители — некоторые лидеры республик и особенно президент Российской Федерации. Однако в целом рейтинг доверия руководителей регионов невелик — всего 21,5%, и даже В.Путин пользовался на Северном Кавказе на момент опроса меньшей популярностью, чем по стране в целом — ему доверяли 43,9% опрошенных (по всей России — около 70%).

Характерно, что большинство респондентов видят основные причины насилия на Северном Кавказе в неумелой политике российских властей и действиях федеральных сил. Доля тех, кто придерживается такой точки зрения, практически не различается между основными этническими группами (25% среди русских, 27% — среди титульных мусульманских народов и 28% — среди прочих). На распространение радикального ислама и международный исламский терроризм, выдвигаемые официальной пропагандой в качестве главных причин конфликтов, указало значительно меньше опрошенных. При этом респонденты, принадлежащие к разным этническим группам, солидарны в отношении к радикальному исламу: его полагают причиной насилия даже больше “мусульман”, чем русских (21% против 15%). Немало респондентов винят в насилии организованную преступность. Лишь около 10% респондентов всех основных групп усматривают корни насилия в чеченском сепаратизме.

Около 10% населения напрямую затронуто конфликтами на национальной почве. Судя по опросу, наиболее травмирован ими осетинский народ, переживший массовый наплыв беженцев из Южной Осетии и бесланскую трагедию. Около 90% осетин заявили, что они лично или их близкие родственники были свидетелями межнационального конфликта, который привел к человеческим жертвам. Возможно, сказываются прочные родственные связи и эффект драматических телерепортажей. Среди других народов больше всего людей, лично переживших межнациональные столкновения, приведшие к человеческим жертвам — чеченцы (более 45%), армяне (38%), балкарцы (26%), кабардинцы (25%), лакцы (24%), аварцы и русские (по 21%).

9,6% респондентов утверждают, что периодически испытывают дискриминацию в связи со своей национальной принадлежностью. 10,3% принявших участие в опросе или их близкие родственники по крайней мере один раз сменили место жительства из-за межнациональных конфликтов. Местностей, в которых проживает 10,7% участников опроса, коснулись операции силовых структур по “восстановлению конституционного порядка” или борьбе с терроризмом (напомним, что ни в Чечне, ни в Ингушетии опрос не проводился). Учитывая, что выборка специально была построена таким образом, чтобы избежать чрезмерного представления “горячих точек”, этого вполне достаточно, чтобы с учетом столь разветвленных на Кавказе родственных, земляческих и дружеских связей оказывать влияние на самочувствие всего общества. В странах Балтии после присоединения их к Советскому Союзу от репрессий пострадало “всего” 10-12% населения, но коллективная память об этой трагедии жива и сегодня.

Еще больше опрошенных (19%) считают межнациональные отношения в их местности напряженными, более четверти (25,8%) полагают, что за последние пять лет они ухудшились (65,3% не видят изменений, 3,2% заявили об улучшении ситуации).

Последствия постсоветских конфликтов будут ощущаться еще длительное время. Они породили в северокавказских сообществах непримиримость. 11,1% респондентов глубоко убеждены, что невозможно простить другой народ за насилие, совершенное его представителями за последние 15 лет. 43,0% согласны с этим частично. Абсолютное большинство респондентов полагает, что насилие и конфликты изменили их жизнь: 8,5% — значительно, 43,3% — в некоторой степени (43,0% не усматривают перемен по этой причине, 5,2% затруднились с ответом).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели линейное распределение ответов на некоторые вопросы нашей анкеты в пяти регионах Северного Кавказа. Анализ взаимосвязей между ответами при контроле различных переменных, позволяющих более детально проверить гипотезы о зависимости доверия в межнациональных отношениях от социально-экономических переменных и особенностей географического места остается за рамками этой статьи. Тем не менее, поскольку выборка основывалась на типологии городов и районов и репрезентативна для ведущих этнических групп, неравномерно размещенных в пространстве, этот материал дает возможность прийти к заключению о значимости места

в развитии и эволюции национальных отношений. Особенности географического места складываются из множества природных и социальных факторов — различий в демографическом и этническом составе населения, его традициях и политической культуре, идентичности, положения по отношению к осям коммуникаций и очагам старых и недавних конфликтов [Agnew 1987]. От особенностей места зависят вероятность повседневных взаимодействий между представителями разных этнических групп, снижающих привлекательность идей этнической исключительности, степень меж- и внутриэтнической поляризации в результате конкуренции за ограниченные материальные и нематериальные ресурсы [Kunovich and Hodson 1999: 643-674].

Многие факторы, которыми традиционно объясняли этнополитическую напряженность, например уровень доходов и восприятие людьми своего материального положения, весьма значимы и на Северном Кавказе. Однако в этом регионе самооценка этнических групп, выражающаяся в уровне гордости принадлежностью к ней, не связана с претензиями на этнически чистую территорию и как правило не проявляется в сепаратистских настроениях. Напротив, относительно высок уровень доверия людям других национальностей.

Основной вывод официального политического дискурса о Северном Кавказе состоит в том, что “война с международным терроризмом” в целом выиграна, и обстановка стабилизируется, экономическая ситуация еще не простая, но быстро улучшается. Оппозиционные силы настроены более скептически и критикуют руководство страны за низкие, недостаточные темпы экономического развития Северного Кавказа, коррупцию, поразившую “вертикаль власти”. И правые, и левые критики политики Москвы обвиняли ее в потворстве местным лидерам, злоупотребляющим бюджетными средствами и использующим правоохранительные органы в борьбе между кланами, не заинтересованным в преодолении бедности, безработицы и архаизации общества в постсоветские годы [Kolossova and Toal 2007: 202-225]. Насколько устойчиво наметившееся улучшение социальных показателей, насколько оно сказывается на самочувствии людей в разных частях региона и национальных отношениях, чьи аргументы склонно воспринимать население — все эти вопросы и поиск ответов на них мы рассматриваем в качестве предмета дальнейших исследований.

Алиев Ш.М. 2005. *Экономическая и социальная география Дагестана*. Махачкала: Дагестанский гос. пед. ун-т.

Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. 2006. Под ред. Г.Г. Матишова. Ростов-на-Дону.

Белозеров В.С. 2005. *Этническая карта Северного Кавказа*. М.: ОГИ.

Денисова Г.С., Уланов В.П. 2003. *Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. пед. университета.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 г. 2004. Под ред. С.Н. Бобылева. М.: Весь мир.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. 1996. *Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг.* М.: Мысль.

Дружинин А.Г. 2006. *Юг России конца XX — начала XXI века (экономико-географические аспекты)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та.

Кавказский регион: пути стабилизации. 2004. Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та.

- Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. 2001. Территориальная идентичность и межэтнические отношения. — *Полис*, № 2.
- Колосов В.А., Трейвиш А.И. 1996. Этнические ареалы в современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов. — *Полис*, № 2.
- Кисриев Э.Ф. 2005. Природа устойчивости политического баланса в Дагестане. — *Многоэтнические сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Маркедонов С. 2007. Дагестан: была ли оправданной реформа республиканской власти? <http://www.politcom.ru/article.php?id=4485>
- Миллер А. 2007. Нация как рамка политической жизни. — *Pro et Contra*, № 3 (37).
- Милованов Ю.Е. 2004. Адатная культура и проблемы трансформации общества. — *Кавказский регион: пути стабилизации*. Под ред. Ю.Г.Волкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. университета.
- Российский Кавказ. Книга для политиков*. 2007. Под ред. В.А.Тишкова. М.: Росинформагротех.
- Мудуев Ш.С. 2003. *Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Мукомель В. 2005. *Миграционная политика России: постсоветские контексты*. М.: Институт социологических исследований РАН.
- Набиева У.Н. 2006. Факторы формирования и современная структура геокультурного пространства Дагестана. Дисс. на соискание ученой степени доктора географических наук. М.: Институт географии РАН.
- Передерий С.В. 2004. Этнополитические аспекты безопасности Ставропольского края. — *Кавказский регион: пути стабилизации*. Под ред. Ю.Г.Волкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. университета.
- Пути мира на Северном Кавказе*. 1999. Независимый экспертный доклад под ред. В.А.Тишкова. М.
- Реммлер В.И. 2006. Размышления после исследования: комментарии к методическому отчету опроса. — *Вестник общественного мнения*, № 1.
- Тишков В.А. 2001. *Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны*. М.: Наука.
- Хоперская Л.Л. 1997. *Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Концепция этнической субъектности*. Ростов-на-Дону.
- Цуциев А.А. 2006. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа.
- Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы*. 2005. Под ред. А.К.Алиева. Махачкала: Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН и др.
- Юг России на рубеже третьего тысячелетия*. 2000. Под ред. А.Г.Дружинина и Ю.С.Колесникова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. университета.
- Agnew J. 1987. *The Place and Politics*. L. etc.
- Kaiser R.J. 1994. *The geography of nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- King G., Keohane R. and Verba S. 1994. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kolossov V. 2005. L'accroissement de l'hétérogénéité ethnoculturelle de la population, identité territoriale et tensions interethniques: l'exemple de la région de Stavropol. — *Petites sociétés et minorités nationales*. Dir. de J. L. Boucher et J. Y. Thériault. Sainte-Fois : Presses de l'Université de Québec.
- Kolossov V. and Treivish A. 1997. The Political Geography of European Minorities. — *Political Geography*, vol.17, № 5.
- Kolossov V. and O Tuathail (Toal) G. 2007. An Empire's Fraying Edge? The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture. — *Eurasian Geography and Economics*, vol. 48, № 2.

Kunovich R. and Hodson R. 1999. Conflict, religious identity, and ethnic intolerance in Croatia. – *Social Forces*, vol. 78, № 2.

Lieven A. 1999. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven: Yale University Press.

O’Loughlin J., Panin A. and Witmer F. 2007. Population Change and Migration in Stavropol Krai: the Effects of Regional Conflicts and Economic Restructuring. – *Eurasian Geography and Economics*, vol. 47, № 2.

O’Loughlin J., Ó Tuathail (Toal) G. 2006. Accounting for separatist sentiment in Bosnia-Herzegovina and the North Caucasus of Russia: A comparative analysis of survey responses. – *Eurasian Geography and Economy*, vol. 47, № 1.

Rosière S. 2006. *Le nettoyage ethnique. Terreur et peuplement*. Paris: Ellipses.

Shomina Ye., Kolosov V., Shukhat V. 2002. Local Activism and the Prospects for Civil Society in Moscow. – *Eurasian Geography and Economics*, vol. 43, № 3.

Tishkov V.A. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Ward M., O’Loughlin J., Bakke K. and Cao Xun. 2006. *Cooperation without trust in conflict-ridden societies: Bosnia and the North Caucasus*. Paper presented at the American Political Science Association meeting, Philadelphia, PA.

Vendina O., Belozero V. and Gustafson A. 2007. The Wars in Chechnya and Their Effects on Neighboring Regions. – *Eurasian Geography and Economics*. Vol.48, № 2.